

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

О ПРИЧИНАХ РОСТА АНАЛИТИЗМА И ПРОДУКТИВНОСТИ НЕИДИОМАТИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ

М.Ю. Федосюк

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; m.fedosyuk@yandex.ru

Аннотация: Статья направлена на поиск путей системно обоснованного определения причин диахронических изменений в языке, т.е. на выработку такого подхода, который объясняет любые изменения не произвольно выбранными единичными причинами, а результатом взаимодействия социальных и обусловленных ими внутриязыковых факторов. В центре статьи два процесса, протекающих в современном русском языке: утрата склонения топонимами на *-ин(о)*, *-ов(о)* (например, *Я живу в Пушкино / Бутово* вместо *Я живу в Пушкине / Бутове*) и вытеснение топонимической модели «Пушкинская улица» моделью «улица Пушкина». Показано, что исходная причина обоих явлений социальная. Она состоит в усилении внутренней миграции российского населения, а также в широком распространении СМИ. В результате языковой коллектив начинает состоять из таких носителей языка, которые ранее жили в разных регионах страны или принадлежали к разным социальным группам и потому располагают несовпадающими фоновыми знаниями. Невозможность опереться на знания получателей заставляет отправителей сообщений, во-первых, избегать употребления неоднозначных падежных форм (так, при следовании старой норме в предложении *Я живу в Пушкине* остается неясным, какова начальная форма топонима: *Пушкин* или *Пушкино*), а во-вторых, не использовать идиоматические топонимические модели, поскольку они не дают возможности определить, от какого слова образован топоним (современный неидиоматичный топоним *улица Академика Комарова* гораздо более однозначен, чем построенные по старой модели топонимы *Комаровская улица* или *улица Комаровка*).

Ключевые слова: аналитизм; идиоматичность; топонимическая модель; продуктивность; причины языковых изменений; социальные факторы; внутриязыковые факторы; системный подход; однородный языковой коллектив; неоднородный языковой коллектив

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-9-19

Для цитирования: Федосюк М.Ю. О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней //

ON THE REASONS FOR THE GROWTH OF ANALYTICISM AND PRODUCTIVITY OF NON-IDIOMATIC NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF OUR DAYS

Mikhail Yu. Fedosyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.fedosyuk@yandex.ru

Abstract: The article is aimed at finding ways for a systematically grounded determination of the causes of diachronic changes in any language, i.e. at the creation a way to explain any linguistic changes not by arbitrarily chosen single causes, but as a result of the interaction of social factors and intralinguistic factors caused by them. The article focuses on two processes taking place in the modern Russian language: the loss of declension by toponyms ending in *-in(o)*, *-ov(o)* (for example, *Ya zhivu v Pushkino / Butovo* instead of *Ya zhivu v Pushkine / Butove*) and the replacement of the toponymic model *Pushkinskaya ulitsa* ('Pushkin street') with the model *ulitsa Pushkina* ('the street of Pushkin'). It is shown that the initial cause of both phenomena is social. It consists in strengthening the internal migration of the Russian population, as well as in the widespread dissemination of the media. As a result, the language community begins to consist of such native speakers who previously lived in different regions of the country or belonged to different social groups and therefore have mismatched background knowledge. The inability to rely on the knowledge of the recipients forces senders of messages, firstly, to avoid using ambiguous case forms (for example, when following the old norm in the sentence *Ya zhivu v Pushkine*, it remains unclear what the initial form of the toponym is: *Pushkin* or *Pushkino*), and secondly, to avoid using idiomatic toponymic models, since they do not make it possible to determine from which word the toponym is derived (the modern non-idiomatic toponym *ulitsa Akademika Komarova* ('Street of Academician Komarov') is much more unambiguous than the toponyms *Komarovskaya ulitsa* ('Komarovskaya Street') or *ulitsa Komarovka* ('Komarovka Street') built according to the old model).

Key words: analyticism; idiomaticity; toponymic model; productivity; causes of language changes; social factors; intralinguistic factors; systemic approach; homogeneous language community; heterogeneous language community

For citation: Fedosyuk M.Yu. (2022) On the Reasons for the Growth of Analyticism and Productivity of Non-idiomatic Nominations in the Russian Language of Our Days. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)

Цель настоящей статьи — наметить пути системно обоснованного определения причин языковых изменений, т.е. такого подхода, который объясняет изменения в языке не произвольно выбранными

единичными причинами, а анализом взаимодействия социальных и внутриязыковых факторов.

Рассмотрим следующий пример: *Я живу в Марфино на улице Академика Комарова*. Это предложение, которое вполне может встретиться в современной русской речи, несомненно, вызвало бы удивление носителей русского языка на рубеже XIX и XX вв. Им показались бы странными, во-первых, несклоняемая форма топонима *Марфино*, а во-вторых, форма родительного падежа в наименовании *улица Академика Комарова*. Сто лет назад топонимы, оканчивавшиеся на *-ин(о)*, *-ов(о)*, неизменно склонялись, а названия улиц, как правило, не имели формы несогласованных определений в родительном падеже. В то время эти названия могли быть либо прилагательными — согласованными определениями к словам типа *улица* или *переулок* (например, *Тверская улица*, *Камергерский переулок*), либо одиночными или распространенными существительными — приложениями к видовым наименованиям типа *улица* (*улица Пречистенка*, *переулок Сивцев Вражек*) [Сытин, 1959]. Иными словами, *улица*, название которой было образовано от фамилии *Комаров*, на рубеже XIX и XX вв. именовалась бы *Комаровская улица* или *улица Комаровка*.

Обратимся вначале к известным объяснениям причин первого из только что упомянутых явлений — современной утраты склонения топонимами на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Об этой утрате написано довольно много. Как правило, разные исследователи объясняют ее такими частными и едва ли существенными причинами, как влияние на русский язык текстов информационных сводок времен Великой Отечественной войны или особенностей профессиональной речи географов и топографов. Однако главной причиной рассматриваемой утраты единодушно признан глобальный внутриязыковой фактор — развитие в русском языке XX в. аналитизма. «Свидетельством нарастания аналитических черт в грамматике русского языка является несомненный **рост несклоняемых имен** во второй половине XX в., — пишет Н.С. Валгина. — Речь идет прежде всего о географических названиях на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Названия типа *Пушкино*, *Ефремово*, *Салтыково*, *Бутово*, *Разино*, *Старбеево*, *Шереметьево* и т.п. давно уже идут в направлении несклоняемости» [Валгина, 2003: 158; Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976; Ильина, 1996; Русский язык и советское общество, 1968].

Однако каковы причины внезапно начавшегося развития в русском языке аналитизма, т.е. типологического свойства, проявляющегося «в раздельном выражении основного (лексич<еского>) и дополнительного (грамматич<еского>, словообразоват<ельного>) значений слова» [Гак, 1990: 31]? В лингвистике второй половины

XX в. к этим причинам, как правило, подходили с позиций структурализма, объясняя их как стихийные и непредсказуемые внутренние перестройки в структуре языка, которые необязательно связаны с социальными факторами. В одном из разделов коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (автор этого раздела — М.В. Панов) читаем:

«В чем же тогда причина колебаний грамматического строя (в разных языках) между полюсами “синтетизм — аналитизм”?»

Эти колебания отражают антиномию “код — текст”. При переходе от синтетических к аналитическим конструкциям уменьшается набор различных грамматических единиц и увеличивается объем того текста, на протяжении которого выражаются значения, ранее передаваемые внутри слова. Примеры общеизвестны; наиболее простые — это перевод русского слова типа *медведица* английскими *bear — she*, т. е. сочетанием слов (полнозначного с частицей)¹. Набор словесных знаков для передачи понятий *медведь — медведица, лис — лисица, заяц — зайчиха* и т. п. в английском языке меньше, чем в русском, но число единиц, нужных для обозначения этих единиц в тексте, — больше, чем в русском (два слова, а не одно). <...> Итак, переход к большему аналитизму связан с разрешением антиномии “код — текст” для многих участков грамматической системы в пользу текста» [Русский язык и советское общество, 1968: 14].

И далее: «Как уже сказано, внутренние антиномии языка не имеют одного раз навсегда данного разрешения: нет никаких причин считать, что движение к аналитизму в русском языке будет продолжаться до тех пор, пока он не станет единственной для этого языка системой выражения грамматических значений. Напротив: можно предполагать, что в будущем, в известный период, грамматическое развитие повернет в противоположную сторону. Это будет определяться, может быть, перенасыщенностью текстов аналитическими единицами или какими-либо другими причинами, о которых сейчас судить нельзя» [Русский язык и советское общество, 1968: 14].

Гораздо более убедительной представляется «доструктуралистская» (если так можно выразиться) точка зрения, которую еще в начале XIX в. высказывали основоположники сравнительно-исторического метода. Они объясняли развитие аналитизма не структурными, а социальными причинами — функционированием языка в условиях смешанного языкового коллектива. Так, Расмус Раск писал: «Грамматические соответствия являются гораздо более на-

¹ Видимо, автор цитируемого текста имеет в виду английский эквивалент русского слова *медведица — she-bear*; хотя едва ли есть основания компонент *she* считать частицей.

дежным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные. Так, например, английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии» [Раск, 1964: 41–42].

Уже в наши дни мысль Р. Раска и его современников о социальных причинах появления и развития в языках аналитизма была подтверждена и углублена Г.П. Мельниковым и его последователями в трудах, посвященных системной типологии языков.

«Рассмотрение языковой карты мира, — пишет один из учеников Г.П. Мельникова А.А. Поликарпов, — обнаруживает, что областям, замкнутым в экономическом и этнолингвистическом отношении, соответствуют, как правило, языки довольно сложного, синтетического грамматического устройства (многие кавказские, сибирские, индейские языки). Наоборот, в областях, в которых давно интенсивно осуществляются процессы этнохозяйственной языковой интеграции народов, языки приобретают ярко выраженное аналитическое устройство (многие европейские языки, языки Юго-Восточной Азии и т.д.)» [Поликарпов, 1979: 45].

Длительное функционирование смешанных языковых коллективов, по наблюдениям Г.П. Мельникова, в конечном итоге способно приводить к развитию не только аналитизма, но и корнеизоляции. «Тенденции к корнеизоляции, — пишет Г.П. Мельников, — как было замечено еще основоположниками компаративистики, наиболее сильны в периоды формирования новых наций и культур в процессе *смешения* представителей многих языков и народов. В этих условиях резко сужается исходный объем социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объем общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим. Все это приводит к потребности предельно *полифункционально* использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий. Полифункциональность знаков — это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая *полисемичность*, для разрешения которой приходится увеличивать информационную нагрузку на контекст, на распределение функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когноминативных отношений между

называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определенных *позиционных* ограничений на порядок следования называемых *смыслов* в высказывании (обычно это трактуется как требование фиксированного “порядка слов”) и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков» [Мельников, 2003: 123].

Развивая только что высказанную мысль, логично прийти к выводу, что образование не полностью однородных языковых коллективов и, соответственно, рост аналитизма в языке может происходить не только по причине длительного совместного проживания носителей разных языков, но и в результате смешения на протяжении относительно короткого времени таких носителей одного языка, которые ранее жили в разных регионах страны или принадлежали к разным социальным группам и в результате располагали разными фоновыми знаниями. Подобные языковые коллективы мы условимся называть не полностью однородными языковыми коллективами.

Именно такой процесс начался в России на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими. В этом отношении очень интересна та глава книги А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описывает элементы разных диалектов русского языка, сохранившиеся в начале XX в. в речи рабочих московских заводов и фабрик [Селищев, 2017]. Неполная однородность русского языкового коллектива продолжала увеличиваться во второй половине XX в., чему в частности способствовало нараставшее распространение средств массовой информации, которое расширяло количество потенциальных участников общения до масштабов всей страны. В результате у отправителей сообщений стала вырабатываться потребность постоянно принимать во внимание, что знания адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями. Так, в первые годы XX в. москвич-адресат, слыша, например, фразу *Я живу в Останкине*, хорошо знал, что начальная форма данного топонима — *Останкино*. Однако позднее вследствие нарастания неполной однородности русского языкового коллектива достаточно типичными стали ситуации, когда коммуниканты, выходцы из разных регионов страны, слыша, например, фразу *Я родом из Рязанской области: родился в Сасове, а детство провел в Касимове*, едва ли могли понять, что речь идет о расположенных в Рязанской области городах Сасово (ср. р.) и Касимов (м. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, должен был либо добавлять к каждому из упомянутых топонимов видовое наименование (*Я родился в городе Сасово, а детство провел в городе Касимов*), либо употреблять существительное среднего рода *Сасово* в форме име-

нительного падежа (*Я родился в Сасово, а детство провел в Касимове*) [Федосюк, 2019]. Легко понять, что неполная однородность языкового коллектива обусловила и другие процессы аналитивизации русского языка XX в. — утрату склонения фамилиями украинского происхождения на *-ко* и *-енко*, а также несклоняемость значительного количества заимствованных существительных.

Перейдем теперь ко второму явлению, упомянутому в начале этой статьи, — появлению в XX в. новой продуктивной топонимической модели «*улица* + несогласованное определение в форме родительного падежа», по которой стали строиться названия улиц. Опираясь на термин *идиоматичность* — ‘способ выражения смысла, основанный на нерегулярных правилах сложения элементов содержания’ [Баранов, Добровольский, 2020: 198], это явление можно назвать ростом продуктивности неидиоматичных номинаций. В самом деле, до начала XX в. российские внутригородские топонимы выполняли главным образом номинативную функцию, и потому они вполне могли быть идиоматичными, т. е. не несущими однозначной информации о том, от какого слова каждый из топонимов образован. К примеру, жители Москвы необязательно должны были понимать, что, предположим, название улицы *Дмитровка* образовано от наименования города *Дмитров*, в направлении которого эта улица ведет, а улица *Петровка* получила свое название от *Высокопетровского монастыря*, который на этой улице расположен. Такое непонимание никак не вредило номинативной функции топонима. Однако после революции 1917 г. новые власти, не отменяя номинативной функции внутригородских топонимов, стали требовать от них выполнения еще и мемориальной и пропагандистской функций, т. е. увековечения памяти об известных людях и знаменательных событиях. И здесь наметилась проблема, связанная с неполной социальной однородностью нового советского языкового коллектива: фоновые знания рядовых горожан нередко не совпадали со знаниями руководящих деятелей, введивших новые названия.

Конкретизируем сказанное. В 1920–1930–е годы некоторые старые московские внутригородские топонимы начали заменяться новыми, мемориально-пропагандистскими. Вначале там, где этому не препятствовали законы русского словообразования, предпринимались попытки образовывать новые названия по старым топонимическим моделям «*улица* + приложение» или «*улица* + согласованное определение». Именно так на карте Москвы появились *улица Ленинская слобода* (1922), *Верхняя и Нижняя Радищевские улицы* (1922), *Кировский проезд* (1935), *Пушкинская площадь* (1937 г.) и др. [Сытин, 1959]. Понятно, что эти названия легко соотносились с

хорошо известными фамилиями политических деятелей *Ленин* и *Киров*, а также писателей *Пушкин* и *Радищев* и потому успешно выполняли свою мемориально-пропагандистскую функцию. Однако в те же годы в Москве появились и такие построенные по традиционным моделям топонимы, как *Русаковская*, *Маленковская* и *Бабаевская улицы* (все три — 1922 г.), а также *Котковский переулок* (1925). Первые три улицы, расположенные в Сокольниках, были названы в честь большевиков Ивана Васильевича Русакова (1877–1921), Емельяна Михайловича Маленкова (1892–1918) и Петра Акимовича Бабаева (1883–1920), каждый из которых в течение довольно короткого времени был председателем Сокольнического районного совета [Москва, 1980: 385; Сытин, 1959]. Что же касается Котковского переулка, то переулок был назван «в память Котковского, одного из участников Великой Октябрьской революции, жившего в этом переулке» [Сытин, 1959: 158]. С достаточно высокой долей уверенности можно предположить, что даже в 1920-е годы люди, в честь которых были названы только что упомянутые улицы, почти никому, кроме районных руководителей — авторов этих названий, не были известны. При этом традиционная модель, по которой образованы только что перечисленные топонимы, является идиоматичной и потому не дает возможности определить, от каких именно слов они образованы. Память кого или чего увековечивает, например, название *Русаковская улица*: человека по фамилии *Русак*, *Русаков*, *Русаковский* или, скажем, местность *Русаково*? А от какого слова образовано название *Котковский переулок*: от фамилии *Котков* или *Котковский* или от топонима *Котково*?

В результате конфликт между новой, мемориально-пропагандистской, функцией внутригородских топонимов XX в. и несоответствием фоновых знаний создателей топонимов знаниям всего остального населения породил новую, неидиоматичную, топонимическую модель «слово типа *улица* плюс несогласованное определение в форме родительного падежа». Эта модель наглядно демонстрировала то имя, ради которого был создан топоним, например: *площадь Прямыкова* (1919 г.), *набережная Шитова* (1922 г.), *улица Хромова* (1924 г.), *проезд Скворцова-Степанова* (1928 г.), *площадь Журавлева* (1929 г.) и др. [Федосюк, Бакланова, 2021; Шмелева, 2016]. Фамилии, входившие в состав подобных топонимов, внедряли в память носителей языка имена исторических деятелей, хотя и не информировали о том, кем были эти деятели, — эту недостающую информацию впоследствии стали содержать таблички на самих улицах. Добавим, что позднее в топонимах рассматриваемого типа к фамилиям исторических деятелей нередко стали добавлять их имена (*улицы Василисы Кожиной, Ирины Левченко и Дениса Давы-*

дова), обозначения профессий (*площадь Космонавта Комарова, улицы Пилота Нестерова, Летчика Бабушкина*) или званий (*улицы Академика Комарова, Маршала Захарова, Генерала Антонова и Комдива Орлова*), что подкрепляло мемориально-пропагандистскую информацию и, кроме того, позволяло избегать одноименности некоторых городских объектов (ср. *площадь Космонавта Комарова и улица Академика Комарова*).

Сказанное дает основания для вывода о том, что следствием неполной однородности любого языкового коллектива может быть не только рассмотренный в начале данной статьи процесс развития в этом языке аналитизма, но и возрастание продуктивности неидиоматичных номинаций. Для подтверждения этого вывода напомним, что одним из результатов совершившегося в России XX в. смешения сельского по своему происхождению населения со свойственными ему патриархальными семейными отношениями и потомственных городских жителей, подобных традиций не имевших, произошло вытеснение таких идиоматичных по своему строению терминов родства, как *шурин, деверь, золовка, сноха*, неоднословными неидиоматичными номинациями *брат жены, брат мужа, сестра мужа и жена сына*.

Подводя итоги всему сказанному, отметим главное: описывая любые диахронические изменения языковой системы, важно характеризовать их не как следствие единичных причин, а как результат взаимодействия социальных и обусловленных ими внутриязыковых факторов. При таком подходе причинами роста аналитизма и возрастания продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке XX–XXI вв. следует признать возникновение в результате внутренней миграции и широкого распространения средств массовой информации неполной однородности языкового коллектива, что повлекло за собой частичное изменение падежной системы русского языка и возникновение новых топонимических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. М., 2020. С. 198–199.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
3. Гак В.Г. Аналитизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
5. Ильина Н.Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 326–344.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.

7. Москва: Энциклопедия / Гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1980.
8. *Поликарпов А.А.* Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979.
9. *Раск Р.* Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1964. С. 40–51.
10. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
11. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917—1926). М., 2017.
12. *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959.
13. *Федосюк М.Ю.* «Недаром помнит вся Россия про день ...Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на *-ино*, *-ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2019. № 5. С. 333–341.
14. *Федосюк М.Ю., Бакланова И.И.* Театральный проезд или проезд Театра? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 87–97.
15. *Шмелева Т.В.* Новгородская словесность. Великий Новгород, 2016.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Dobrovolskii D.O. 2020. *Idiomatichnost'* [Idiomaticity]. In Moldovan A.M. (ed.) *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, "AST-PRESS ShKOLA Publ". (In Russ.)
2. Valgina N.S. 2003. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in Modern Russian]. Moscow, "Logos Publ". (In Russ.)
3. Gak V.G. 1990. *Analitizm* [Analyticism]. In Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya Publ". (In Russ.)
4. Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. 1976. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov*. [Grammatical Correctness of Russian Speech: An Experience of the Frequency-stylistic Dictionary of Variants]. Moscow, "Nauka Publ". (In Russ.)
5. Pina N.E. 1996. *Rost analitizma v morfologii* [The Growth of Analyticism in Morphology]. In Zemskaya E.A. (ed.) *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya* [Russian Language of the End of the Twentieth Century (1985–1995)]. Moscow, "Yazyki russkoi kul'tury Publ". (In Russ.)
6. Mel'nikov G.P. 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, "Nauka Publ". (In Russ.)
7. Narochnitskii A.L. (ed.) 1980. *Moskva. Entsiklopediya* [Moscow: Encyclopedia]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya Publ". (In Russ.)
8. Polikarpov A.A. 1979. *Elementy teoreticheskoi sotsiolingvistiki* [Elements of Theoretical Sociolinguistics]. Moscow, "Publishing House of Moscow University". (In Russ.)
9. Rask P. 1964. *Issledovaniya v oblasti drevnesevernogo yazyka, ili Proiskhozhdenie islandskogo yazyka* [Studies in the Old Norse Language, or the Origin of the Icelandic Language]. In Zveginsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the XIX–XX Centuries in Tssays and Extracts]. Part I. Moscow, "Prosveshchenie Publ". (In Russ.)

10. Panov M.V. (ed.) 1968. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennoego russkogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society: Sociological and Linguistic Research. Morphology and Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, “Nauka Publ”. (In Russ.)
11. Selishchev A.M. 2017. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom (1917–1926)* [Revolutionary Language. From Observations on the Russian Language (1917–1926)]. Moscow, “Editorial URSS, Librokom”. (In Russ.)
12. Sytin P.V. 1959. *Otkuda proizoshli nazvaniya ulits Moskvyy* [Where Did the Names of the Streets of Moscow Come From?]. Moscow, “Moskovskii rabochii, Publ”. (In Russ.)
13. Fedosyuk M.Yu. 2019. “Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den’ ...Borodino”, ili Pochemu perestayut sklonyat’sya toponimy na -ino, -ovo [“It’s not Without Reason that all of Russia Remembers about the day Borodino”, or Why Toponyms Ending in -ino, -ovo Cease to Decline]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no 5, pp. 333–341. (In Russ.)
14. Fedosyuk M.Yu., Baklanova I.I. 2021. *Teatral’nyj proezd ili proezd Teatra? (Soglasovannye i nesoglasovannye opredeleniya vo vnutrigorodskoj toponimii)* [Teatral’nyj Proezd or Proezd Teatra? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, vol. 80, no. 2, pp. 88–98. (In Russ.)
15. Shmeleva T.V. 2016. *Novgorodskaya slovesnost’* [Novgorod Philology]. Veliky Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 15.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; m.fedosyuk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Fedosyuk — Dr. habil in Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; m.fedosyuk@yandex.ru